



УДК 101.8:316.3(043.3)

Сетевые конфликты как сущностная характеристика девиантного поведения: социально-антропологический ракурс исследования

**Евгений Михайлович Бабосов**

Государственное научное учреждение

«Институт социологии Национальной академии наук Беларуси»

(Минск, Республика Беларусь)

babosov@yandex.ru

**Юлия Леонидовна Баньковская**

Белорусский государственный университет

(Минск, Республика Беларусь)

BankouskayaYL@bsu.by

ORCID: 0000-0001-9287-7261

Аннотация

Введение. Актуальность социально-антропологического ракурса исследования сетевых конфликтов продиктована противоречивой природой развития информационно-коммуникационных технологий. Особую значимость обретает прояснение специфики воздействия информации на систему ценностей и этических норм пользователей сетей, их мировосприятие и миропонимание. Раскрытие многогранности феномена «сетевой конфликт» сквозь призму девиантного поведения ориентировано на выявление специфики проявления агрессии, намеренного искажения сведений и подрыва социальных устоев в пространстве сети. Символический капитал выступает в качестве значимого ресурса, иницирующего социокультурные трансформации и становление новой формы электронно-опосредованного дискурса, создает благоприятные условия для управления общественными процессами, что является обязательным условием понимания специфики ведения современных военных действий. Цель работы – концептуально-теоретическое исследование социально-антропологического модуса сетевых конфликтов как способа проявления девиантного поведения. Интенсификация конфликтов в данном контексте является способом отражения настроений различных социальных групп, тогда как деструктивное применение информационного оружия ориентировано на формирование ценностно-смыслового образа существующих общественных проблем. Вследствие этого символические конструкции обретают военную и экономическую мощь, видоизменяя сферу деятельности людей, усложняя геополитический вектор разворачивания противоречий. **Методы исследования.** Методология сетевого и синергетического подходов обладает значительным эвристическим потенциалом при исследовании данного феномена, поскольку позволяет анализировать неустойчивые, многомерные и противоречивые процессы, характерные для современной турбулентной социальной реальности, способствует выявлению

специфики сетевого взаимодействия индивидов, детерминированной структурной организацией сети. **Результаты.** Основные результаты исследований демонстрируют, что сети расширяют возможности для распространения неverified сведений, трансформации каналов трансляции информации и механизмов ее интериоризации личностью. Вторгаясь во все сферы человеческой жизни и нивелируя пространственно-временные границы, неконтролируемое потребление ложных сведений приводит к эскалации конфликтов. В связи с этим выявление сущностных признаков сетевых конфликтов становится основанием для поиска и принятия эффективных решений, направленных на сохранение безопасности развития и существования общества и государства.

Ключевые слова

сетевой конфликт, девиантное поведение, сознание, манипулирование, информация

Для цитирования: Бабосов, Е. М., Баньковская, Ю. Л. (2026). Сетевые конфликты как сущностная характеристика девиантного поведения: социально-антропологический ракурс исследования. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 226–239.

Original paper

Network conflicts as an essential characteristic of deviant behavior: a socio-anthropological perspective on the research

Evgeny M. Babosov

State Scientific Institution “Institute of Sociology
of the National Academy of Sciences of Belarus”
(Minsk, Republic of Belarus)
babosov@yandex.ru

Yulia L. Bankovskaya

Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)
BankouskayaYL@bsu.by
ORCID: 0000-0001-9287-7261

Abstract

Introduction. The relevance of a socio-anthropological approach to the study of online conflicts stems from the contradictory nature of the development of information and communication technologies. It is particularly important to clarify the specific ways in which information influences the value systems and ethical norms of online users, as well as their perception and understanding of the world. Exploring the multifaceted nature of the phenomenon of “online conflict” through the prism of deviant behavior focuses on identifying the specific manifestations of aggression, the deliberate distortion of information and the undermining of social foundations in the online space. Symbolic capital acts as a significant resource that initiates socio-cultural transformations and the emergence of a new form of electronically mediated discourse; it creates favourable conditions for the management of social processes, which is a prerequisite for understanding the specific nature of modern warfare. The research aims to conduct a conceptual and theoretical investigation of the socio-anthropological nature of online conflicts as a manifestation of deviant behavior. In this context, the intensification

of conflicts serves as a means of reflecting the sentiments of various social groups, whilst the destructive use of information weapons is geared towards shaping a value-laden and meaningful representation of existing social problems. Consequently, symbolic constructs acquire military and economic power, transforming the sphere of human activity and complicating the geopolitical trajectory of the unfolding of contradictions. **Research methods.** The methodology of network and synergetic approaches offers considerable heuristic potential for studying this phenomenon, as it enables the analysis of unstable, multidimensional and contradictory processes characteristic of today's turbulent social reality and helps to identify the specific nature of network interactions between individuals, which is determined by the structural organisation of the network. **Results.** The main findings of the research demonstrate that networks expand the possibilities for the dissemination of unverified information, transforming the channels through which information is transmitted and the mechanisms by which it is internalised by the individual. By encroaching on all spheres of human life and erasing spatial and temporal boundaries, the uncontrolled consumption of false information leads to the escalation of conflicts. In this regard, identifying the essential characteristics of online conflicts forms the basis for seeking and adopting effective solutions aimed at safeguarding the security of the development and existence of society and the state.

Keywords

online conflict, deviant behavior, consciousness, manipulation, information

For citation: Babosov, E. M., Bankovskaya, Yu. L. (2026). Network conflicts as an essential characteristic of deviant behavior: a socio-anthropological perspective on the research. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 226–239.

Введение

В современном мире информационно-коммуникационные технологии глубоко интегрированы в повседневную жизнь. Сетевые конфликты, возникшие как следствие их развития, приводят к трансформации традиционных способов ведения противоборств и представляют серьезную угрозу стабильному развитию общества. Государства часто оказываются уязвимыми перед разрушительной силой информационных атак, поэтому защита информационного пространства и обеспечение безопасности его функционирования становятся приоритетными задачами социального развития. Сетевые конфликты в этом контексте приобретают форму отклоняющегося поведения, подрывающего основы общественного согласия и гармонии. Традиционные способы сдерживания агрессии и регулирования споров в сетях оказываются малоэффективными. Понимание сетевого конфликта как формы нарушения социальных норм позволяет разработать более качественные социальные и правовые механизмы регулирования противоречий. Кроме того, тенденции цифровизации и сетевизации общества порождают новые угрозы экзистенциального характера. В сетевом пространстве границы правил, официально установленных и фактически сформированных в данном обществе, размываются из-за открытости, анонимности самой среды. Таким образом, «многие новые проблемы, возникающие в связи с глобальной цифровизацией, настолько серьезны, что заставляют думать о том, что мы стоим перед лицом экзистенциального вызова. Некоторые современные мыслители в связи с этим говорят об антропологической революции, другие – об антропологической катастрофе, третьи – о том, что это и первое, и второе одновременно» (Лекторский, 2022, с. 18).

Главная опасность сетевых конфликтов кроется в их скрытом влиянии на происходящие процессы. Они формируют идеальные условия для незаметного управления массовым сознанием и общественным мнением, создают атмосферу политической напряженности, недоверия и нестабильности, тем самым провоцируя массовые беспорядки, приводят к невозможности

принятия адекватных и эффективных управленческих решений в ситуации дестабилизации общественного развития. Основные средства проявления сетевых конфликтов – искажение данных, фальсификация фактов и усложнение процесса проверки достоверности новостей. В результате глобальная интернет-среда превращается в крайне нестабильное пространство, которое регулярно используется для кибернетических ударов и распространения радикального контента. Сетевой конфликт приобретает выраженное социально-антропологическое измерение, поскольку изменение архитектуры коммуникативного взаимодействия людей влияет на сущность человека, его убеждения.

Описание исследования

Развитие сетевых технологий трансформировало природу конфликтов в современном обществе. «Социальные сети, помимо того, что являются средством коммуникации, все больше становятся средством манипулирования общественным мнением, а также инструментом политической борьбы и устранения конкурентов посредством дискредитации и даже определенным карательным инструментом привлечения к уголовной ответственности» (Берестовой, 2025, с. 148–149). Сеть выступает не просто техническим средством передачи данных, но становится фундаментальным способом бытия современного человека. Сетевая культура обуславливает специфику функционирования социальной реальности, предопределяя особенности возникновения и протекания конфликтов, вызванных структурной организацией сети.

Сетевым противоборствам присущи следующие специфические признаки:

- иллюзия безнаказанности, проявляющаяся в физической удаленности и анонимности человека в интернете. Данное восприятие создает у пользователей ложное чувство отсутствия ответственности за распространение недостоверных данных. Люди нередко совершают необдуманные действия под влиянием имеющихся заблуждений, совершенно недооценивая информацию критически. Сетевому конфликту присуще ослабление механизмов внешнего сдерживания противоречий. В физическом мире поведение человека регулируется не только законами, но и при помощи общественного осуждения и порицания, непосредственной угрозы осуществления определенных действий. В сетевой среде субъект находится в состоянии психологической отстраненности от проблемы, что приводит к снижению уровня ответственности, поскольку он убежден в собственной недостигаемости, и это провоцирует его на совершение действий, которые он никогда не совершил бы при личном общении. Человек действует «по первому же призыву из социальных сетей, даже не задумываясь о правильности своего поступка» (Медовкина, 2020, с. 13);

- искажение восприятия ситуации, состоящее в поверхностном и фрагментарном понимании проблем на фоне дезинформации, что делает пользователей уязвимыми перед множеством разнородных сведений, получаемых ими из разных источников. Реальные смыслы транслируемых сообщений часто сокрыты за множеством ярких, но второстепенных деталей, которые отвлекают сетевых пользователей от осмысления сущности проблемы. Это позволяет внедрять нелегальный контент, осуществлять хищение личных данных. «Человек утрачивает контроль над своим личным пространством. В большинстве случаев информация о нем может быть очень быстро распространена среди большого числа людей» (Eginli & Tas, 2018, p. 86). Использование ложных сведений для провоцирования конфликта выступает формой проявления девиантного поведения. Манипулятор сознательно нарушает правило предоставления истинной информации ради достижения своих целей. Возможность бесконечного тиражирования и искажения текстов создает среду, где истина становится релятивной. Это превращает сеть в орудие разрушения общественного доверия и манипулирования поступками людей. «Спамеры способны внедрять в ленту новостей пользователей недобросовестную рекламу,

заниматься распространением нелегального контента, внедрением в компьютеры пользователей вредоносных программ, а также получать доступ к личной информации пользователя» (Красовская & Гуляев, 2021, с. 97). Более того, снижается уровень критического осмысления проблемной ситуации;

– бесконтактность, состоящая в том, что сетевой конфликт нивелирует географические и темпоральные границы. Противоборство перемещается в символическое пространство, где время трансляции информации стремится к мгновенности. В противостояние вовлечены представители разных государств, не имеющие непосредственного физического контакта. Это общая тенденция, когда «обмен ударами идет на дальних дистанциях, без опасного сближения, провоцирующего лобовое столкновение» (Манойло, 2017, с. 45). Глобальные сети размывают национальные границы, снижая уровень ответственности участников конфликта за дестабилизацию обстановки в других странах. Беспрепятственный мгновенный доступ к информации приводит к эскалации противоречий, вовлекая в них даже те группы, которые не имеют к проблеме непосредственного отношения. Данный конфликт может не наносить прямого физического ущерба, но он будет разрушительно воздействовать на мировоззрение и поведение разных социальных общностей. Другая сторона воспринимается не как живой человек, а как совокупность знаков на экране, что облегчает переход к реализации действий деструктивной направленности;

– наличие теневых инициаторов конфликта. Реальные организаторы противоборства часто остаются скрытыми. Они используют информацию исключительно как инструмент манипулирования общественным мнением. «Информационно-психологическое воздействие основывается на некритическом восприятии информации объектами воздействия, оно направлено на эмоциональную сферу сознания» (Касюк, 2021, с. 23). Более того, даже если субъект выступает под своим именем, отсутствие прямого зрительного контакта создает иллюзию невидимости. Это приводит к исчезновению при передаче информации обратной связи, поскольку человек не видит негативных эмоций, которые причинены его действиями, следовательно, не испытывает сочувствия к оппоненту. При этом действующие правовые нормы оказываются бессильны остановить эскалацию напряженности;

– децентрализованность, открытость и динамичность сети. Сетевые структуры обладают способностью к мгновенному переструктурированию своих элементов, поскольку сеть представляет собой «набор узлов, связанных одним или более типом отношений» (Marin & Wellman, 2011, р. 11). Данный конфликт лишен статики, поскольку он разворачивается как непрерывный процесс трансформации взаимосвязей между акторами. Это делает сеть устойчивой к исчезновению отдельных узлов, но крайне чувствительной по отношению к информационному воздействию;

– доступность для радикально настроенных групп и возможность вовлечения в конфликт множества социальных общностей. Противостояние выходит за границы действий профессиональных армий, перетекая в социальную, экономическую и политическую плоскости. Открытость сети позволяет маргинальным и экстремистским сообществам использовать ее платформы для трансляции своих идей. Информационная среда заменяет собой традиционную модель военных действий, предоставляет возможность для привлечения граждан всего мира, благодаря чему расширяются возможности для присоединения новых дополнительных ресурсов. «Если прежде каждый актор сосредотачивался на своем ресурсе, то сегодня акторы пытаются расширить свою ресурсную базу за счет других, ранее не характерных для них ресурсов, и привлекают непрофессионалов для использования ресурсов» (Лебедева, 2017, с. 109);

– асимметрия сил, проявляющаяся в том, что в условиях сетевого конфликта даже небольшое государство со слабым вооружением способно нанести значительный ущерб мощной и высокоразвитой в области техники, технологий стране.

Сетевой конфликт представляет собой, прежде всего, противоборство смыслов и интерпретаций. Противостояние обретает возможность реального воплощения только тогда, когда оно попадает в информационное поле. Применение информационно-технического и информационно-психологического оружия порождает новые возможности для оказания влияния на экономическое и социально-политическое пространство безопасности функционирования личности и государства.

Одним из наиболее значимых последствий развертывания сетевых конфликтов является изменение жизненного мира человека. Информация становится важным ресурсом, трансформирующим структуру повседневности. Сетевые конфликты оказывают деструктивное влияние на разные аспекты человеческого существования. На когнитивном уровне они приводят к трансформации системы взглядов, представлений, убеждений и верований посредством манипулирования информационными потоками. На поведенческом уровне происходит модификация моделей деятельности людей вследствие воздействия сетевых норм и ценностей, например, «буллинг проявлялся в большей степени как социальное манипулятивное поведение при посещении чатов» (Sontag et al., 2011, p. 394). В рамках социального уровня осуществляется установление новых типов связей, при которых традиционная солидарность замещается временными сетевыми коалициями. Таким образом, структура жизненного мира человека преобразуется при возникновении сетевого общества, которое приводит к формированию нового вида социальных связей, основанных на алгоритмизации и формализации взаимодействия людей.

Преобладание поверхностных и быстротечных контактов в сети содействует нарушению внутренней целостности человеческой личности. Опираясь на идеи французского философа и социолога Ж. Бодрийяра, можно отметить, что формируется так называемая гиперреальность, являющаяся символическим пространством, в котором осуществляется тотальный контроль и происходит распад общества на разрозненные фрагменты, утрачиваются его традиционные ценности и нормы. Мыслитель обращает внимание на то, что данное новое пространство деятельности человека характеризуется «переплетением сфер, связей, центров и структур, сетью контроля и блокировки – все то, что окружает нас со всех сторон и благодаря чему мы, все мы, оказываемся молчаливым большинством» (Бодрийяр, 2000, с. 59).

В условиях современных сетевых конфликтов зарождаются принципиально новые методы управления общественным мнением. Информация превращается в символический капитал, в котором находят отражение устремления и ценности участников конфликта. Она оказывает все возрастающее воздействие на человеческую психику, поскольку изменяются его убеждения и модель поведения, искажается восприятие реальности. Опираясь на концепцию австрийского философа и социолога А. Шюца, жизненный мир можно рассматривать как сферу, упорядочивающую дорефлексивный опыт человека, на основании которого выстраиваются его взгляды и воззрения на социальные процессы, события и явления. Мыслитель утверждал, что «это тот мир, который я воспринимаю либо непосредственно органами чувств, либо с помощью разнообразных инструментов; о котором я знаю, что он воздействует на меня непосредственно, и на который я сам могу воздействовать – с помощью инструментов или без них» (Шюц, 2008, с. 74). Проекты человеческой активности, являющиеся следствием индивидуальных желаний, потребностей и сомнений человека, служат основанием для конструирования социальной реальности посредством наличного опыта, которому присуще «специфическое напряжение сознания, а именно бодрствование, выражающееся в полном внимании жизни; специфическое *erosche*, а именно “приостановка” сомнения; преобладающая форма спонтанности, а именно рабочая операция...; специфическая форма испытывания своего Я (работающее Я как тотальное Я); специфическая форма

социальности (общий интерсубъективный мир коммуникации и социального действия); специфическая временная перспектива» (Шюц, 2003, с. 17–18).

С приходом сетевого общества и новых типов социальных взаимосвязей устоявшаяся структура жизненного мира подвергается значительным изменениям. Компьютерно-опосредованная реальность приводит к возникновению абсолютно нового формата общения, при котором участники лишены возможности восприятия телесности друг друга. Результатом нивелирования визуальных образов выступает появление ориентации на мысленную реконструкцию представления о собеседнике посредством наделения его как присущими ему чертами, так и качествами других участников сетевого взаимодействия. Данная ситуация приводит к возникновению у человека дуальности переживания собственного Я, ибо, с одной стороны, он видит в Другом реальную личность с имеющимися у нее нормами, ценностями, интересами, потребностями, сформировавшимся мировоззрением и представлениями о событиях, происходящих в обществе, а с другой – воспринимает его просто как носителя сетевой маски, наличие которой обеспечивает ему анонимность. Как отмечает американский исследователь Дж. Сулер, в интернете человек может применять разные модели поведения, например, он может оставаться самим собой, выступать от лица некой группы, придумывать полностью вымышленного персонажа или сохранять анонимность (Suler, 2000, р. 152–158). Вариативность данных моделей предоставляет ему широкие возможности для сокрытия или маскировки своих реальных негативных качеств и создания привлекательного, но несуществующего имиджа.

Деперсонализация межличностного взаимодействия людей часто приводит к образованию двойственного эффекта, поскольку благодаря ей возможно как снижение уровня остроты конфликта, так как у большинства сетевых пользователей отсутствует глубокая личная заинтересованность в эскалации противоречий, так и обострение противоборства, ибо существует вероятность многократного расширения зоны географического охвата пространства противостояния, обусловленная структурой сети, вследствие присоединения к ней новых элементов посредством оказания на них психологического манипулятивного воздействия. Анонимность, асинхронность общения, дезинформация и предоставление деструктивного контента приводят к возникновению у многих сетевых пользователей ощущения абсолютной вседозволенности. По этой причине в ситуации кризиса люди достраивают в своем воображении недостающие детали конфликта, формируя иллюзорные образы и приписывая им выдуманные характеристики. Возникает так называемая проектосфера, синтезирующая в единое целое личный опыт жизненного мира человека с установками, имеющимися у социальных групп, с которыми субъект себя идентифицирует и которые являются для него значимыми. Специфика взаимодействия данных проектосфер в форме конфликта или гармоничного сосуществования является отражением сложной, многогранной и поливариативной реакции человека на происходящие социальные процессы и явления.

Поскольку интенциональные акты сознания имплицитно содержат конфликтные устремления актора, то можно говорить о детерминированности поведения и действий человека при эскалации противоречий. Сетевизация порождает принципиально новую социальную реальность, которая, по мнению Ж. Бодрийяра, «гиперреальная, неуловимая, опирающаяся не на закон, репрессии и насилие, а на внедрение моделей и на убеждение / разубеждение – социальность, и он отвечает на ее вызов ничем иным, как гиперреальным же действием» (Бодрийяр, 2000, с. 59). Главная трудность в разрешении сетевых конфликтов заключается в том, что они изначально формируются на ментальном уровне, влияют на формирование представлений человека о конфликтной ситуации, манипулируют общественным мнением, привлекают внимание к проблеме различных социальных общностей, затрагивают ценностные ориентиры и нормы людей, приводя к их трансформации. Для функционирования сетей присуще

наличие механизмов подражания. Если в определенном сообществе агрессивный тон становится нормой, новые участники быстро принимают и адаптируют к себе данную модель поведения, чтобы не утратить свою принадлежность к социальной группе. Таким образом, отклонение становится внутригрупповой нормой, противопоставленной правилам поведения, принятым в обществе.

Преднамеренные действия общественных объединений, ориентированные на обострение противоборства, становятся основным средством воздействия на массовое и индивидуальное сознание людей. В ситуации конфликта в сетях начинают все чаще применяться способы психоактивного целенаправленного деструктивного влияния на психику людей в целях их побуждения к определенным действиям, таким как шантаж, угрозы и запугивание. Таким образом продуцируются условия для информационного взрыва. «Это создает угрозу социальной опасности, связанной с использованием технологий искусственного изменения поведенческих реакций человека и влияния на его свободу волеизъявления» (Даирбекова & Полуян, 2024, с. 63).

Сетевое отклоняющееся поведение многогранно. Оно может проявляться на уровне как межличностных, так и групповых отношений. Межличностная сетевая травля становится одной из наиболее распространенных форм девиантного поведения, заключающегося в систематическом унижении достоинства личности. Отсутствие временных и пространственных границ создает условия для того, чтобы такая травля была круглосуточной и вездесущей, лишая пострадавшего чувства безопасности даже в собственном доме. На групповом уровне конфликт перерастает в столкновение социальных общностей. Особенностью сетевого пространства является создание особого пространства смыслов, внутри которого любая мысль, противоречащая мнению большинства, воспринимается как враждебная. Это приводит к полному отказу от признания прав Другого, что вызывает радикализацию ситуации и эскалацию конфликта.

Информация выступает одним из наиболее значимых символических ресурсов, предопределяющих экономическое и технологическое развитие государства. Фрагментарное, ложное или неполное предоставление сведений приводит к тому, что сетевые пользователи не могут критически и целостно оценить ситуацию, вследствие чего подлинная сущность проблемы остается недоступной для понимания. Арсенал средств, используемых в рамках сетевого конфликта, постоянно расширяется. В настоящее время применяются не только технологии символического капитала, но и материально-технические средства воздействия на сеть. Тем не менее основным инструментом, предопределяющим направленность развертывания конфликта, пути его эскалации, по-прежнему остается информация. «Особенностью информационного общества... является то, что количество информации достигло такого объема, что ни один здоровый человек не способен не то что осваивать этот объем, а даже более-менее в нем ориентироваться. Но именно этот не воспринимаемый человеческим сознанием объем информации дает одно из главных преимуществ... превращает информацию в мусор» (Коровин, 2014, с. 79–80).

Специфика сетевых конфликтов заключается в активном использовании скрытых манипуляций, которые не дают возможности людям объективно исследовать и оценить сущность проблемной ситуации, а также истинные мотивы, цели и ресурсы конфликтующих сторон. Более того, сетевые пользователи часто даже не осознают, что стали объектом целенаправленного воздействия. У них сохраняется иллюзия того, что их точка зрения сформирована ими абсолютно самостоятельно, без давления с другой стороны, что в данном противостоянии они защищают исключительно свои личные интересы.

Сущность сетевых конфликтов глубоко антропологична, так как объектом воздействия становится сам человек, его сознание, воля, ценности, нормы, представления и убеждения.

Информационное пространство интернета выступает глобальной ареной, на которой разворачиваются экзистенциальные конфликты. Качественные характеристики информационного оружия, состоящие в его универсальности, анонимности и глобальности, делают его инструментом тотального воздействия на общественное мнение. Выявление этих характеристик является необходимым основанием для разработки мер по стабилизации социального развития государства и обеспечения безопасности существования личности. Социально-антропологический ракурс исследования подразумевает, что защищенность людей в сетевой среде напрямую зависит от их психологической устойчивости и направленности на критическое осмысление ситуации.

В сетевых противостояниях информация трансформируется в действенное оружие, целенаправленно применяемое сетевыми пользователями для разжигания и эскалации конфликта. По своей разрушительной силе оно вполне сопоставимо с оружием массового поражения, так как оно способно кардинально менять общественные умонастроения и управлять поведением и действиями огромных масс людей. Как отмечает российский исследователь С. И. Макаренко, такое оружие представляет собой «средства информационного воздействия на технику и людей с целью решения задач воздействующей стороны, и специфичные способы их применения» (Макаренко, 2016, с. 295). По нашему мнению, к данной категории относятся также орудия, применяемые для вмешательства и изменения работы программного обеспечения, кража данных, представляющих ценность для личности и государства, распространение ложных сообщений, которые влияют на восприятие и понимание конфликтной ситуации.

В соответствии со сферой применения информационного оружия следует обозначить такие его разновидности, как информационно-техническое оружие, включающее высокотехнологичные радиоэлектронные устройства и комплексы; информационно-программное оружие, ориентированное на создание специализированных цифровых механизмов, нацеленных на обеспечение безопасности данных; и информационно-психологическое оружие, заключающееся в использовании специальных психотехник для оказания определенного направленного деструктивного влияния на ментальность людей.

Непрерывное расширение зоны информационного влияния открывает беспрецедентные возможности для манипулирования индивидуальным сознанием и поступками людей. Это достигается посредством конструирования искаженного, иллюзорного образа возникшей конфликтной ситуации. Эффективность подобных манипуляций напрямую зависит от системы ценностей человека, его ментальных характеристик, умения выстраивать причинно-следственные связи и мыслить рационально, а также от его навыков фильтрации потребляемых сведений.

Последствием применения информационного оружия становится сужение границ личной свободы. При этом возникает парадоксальная ситуация, когда человек совершенно не осознает внешнего давления, попытки управлять его действиями. Он убежден, что на его суждения никто не влиял, тогда как на самом деле его социальная и гражданская позиция была сформирована искусственно сгенерированными фейками. Спецификой реализации сетевых конфликтов является то, что противоборство выстраивается не на основании достоверных фактов, а посредством искусственно созданного образа проблемной ситуации. Недостаточность данных и их произвольная интерпретация погружают общество в эпоху постправды, результатом которой является усиление контроля над поведением множества социальных общностей. Человек, не замечая, как определенные группы навязывают ему выгодный им ракурс понимания проблемы извне, пребывает в полной уверенности, что владеет подлинной информацией. «Постправда – это состояние современного общества, которое в действительности имеет меньшую ценность, чем вызываемые ими эмоции и состояние людей, общества.

Аксиологически это означает, что субъективное – эмоции, наблюдения, поведение, личные убеждения – выглядят значимее, чем объективное – факты и явления» (Красовская и др., 2019, с. 79). Общественное мнение теперь формируется на откровенной фальсификации данных, распространении неподтвержденных фактов и появлении противоречивых слухов. «Правовая природа фейковых новостей заключается в недостоверности, но при этом обладает сенсационными признаками» (Кузьменко & Попова 2020, с. 123). Самое опасное проявление дезинформирования состоит в том, что даже после официального разоблачения и доказательства ложности переданных данных их первоначальный психологический эффект на аудиторию устранить практически невозможно. Значительное число сетевых пользователей продолжает игнорировать последующие опровержения ранее прочитанных сообщений.

Казалось бы, свобода выбора источников информации и плюрализм мнений должны снижать уровень зависимости человека от навязываемых ему суждений, создавая ситуацию невозможности манипулирования его действиями. Однако, как утверждает Э. Паризер, в сетевом пространстве существует «пузырь фильтров», согласно которому искусственный интеллект упраздняет любые сведения, которые не соответствуют вкусам и предпочтениям конкретного пользователя. В результате люди потребляют исключительно те данные, которые подтверждают их уже сформировавшееся мнение по рассматриваемому вопросу (Паризер, 2012).

Следствием использования информационного оружия становится кризис духовной сферы общества. Как подчеркивал английский социолог Э. Гидденс, «ценности и нормы во многом определяют образ общественной жизни и манеру поведения представителя данной культуры» (Гидденс, 2005, с. 34). Происходит систематическое ущемление социально значимых интересов и потребностей человека. «Законность означает способность правительства регулировать поведение в пределах своей компетенции. В контексте Интернета это означает способность правительства регулировать поведение своих граждан (а возможно, и других людей) в сети» (Lessig, 1999, p. 19). Деструктивное применение интернета приводит к нарушению принципов государственного суверенитета, поскольку позволяет внешним силам напрямую влиять на решения, затрагивающие интересы других стран. «Если “демократичность” процедуры выборов или избранных на их основе органов власти не подтверждена международными институтами, то возникает вопрос о легитимности избранных институтов власти, что может привести к международным санкциям» (Плющ, 2017, с. 9). В результате суверенное государство утрачивает свою независимость. Таким образом, сетевые конфликты приводят к утрате доверия к общественным институтам, поскольку часто направлены на дискредитацию органов управления, являют собой угрозу стабильного функционирования жизненного пространства личности, так как постоянное пребывание в состоянии стресса и взаимной вражды негативно воздействует на психику человека, делая его более внушаемым и усиливая склонность к необдуманным поступкам.

В условиях сетевых угроз усиливается значимость формирования сетевой культуры, представляющей совокупность ценностей, норм и практик, сформировавшихся в символическом пространстве. Она может выступать и как инструмент, используемый для дестабилизации общества, и как средство обеспечения национальной безопасности. В целях сохранения устойчивости развития сетевого пространства необходимо осуществить следующие меры:

- сформировать цифровую грамотность, проявляемую в выработке навыков критического оценивания потоков информации. Преодоление девиантного поведения в сети требует не только разработки технических запретов, но и проведения глубокой воспитательной работы;

- развивать сетевую этику, заключающуюся в отказе от манипуляций и приверженности к качественной информации. Необходимо внедрение в систему образования программ

по обучению нормам и правилам поведения в сети, которые бы помогли сформировать ответственность пользователей за транслируемую ими информацию;

- создавать культурные артефакты в сетевом пространстве, способствующие формированию комфортной и безопасной среды, в которой человек осознает последствия своих действий;

- разработать политико-правовые меры для защиты национальных интересов в ситуации возникновения сетевых конфликтов. Правовое регулирование должно быть направлено не на ограничение свободы слова, а на пресечение действий, нарушающих безопасность развития других граждан и государства. Неотвратимость наказания за распространение заведомо ложной информации является важным сдерживающим фактором. Кроме того, необходимы защита национальных границ в киберпространстве, создание сегментов сети, устойчивых к внешнему воздействию, формирование и реализация договоренностей по противодействию кибератакам на межгосударственном уровне.

Заключение

Сетевые конфликты как форма отклоняющегося поведения – это серьезный вызов, предъявляемый современной цивилизацией личности и государству. Они представляют собой сложный, многофакторный феномен, укорененный в социально-антропологических основаниях современного общества. Трансформация жизненного мира человека, изменение характера коммуникаций и появление новых видов информационного оружия требуют разработки стратегий защиты. Деструктивное воздействие информации на систему ценностей и норм человека, его ментальность, приводящее к манипулированию сознанием личности, содействует ее дезориентации в условиях современной нестабильно развивающейся социальной реальности. Подобные процессы провоцируют обострение существующих социальных противоречий и ведут к развязыванию все новых противостояний в пространстве сети. Сложность разработки универсальных механизмов регулирования сетевых конфликтов обусловлена спецификой организации сети, ее децентрализованностью, открытостью, анонимностью.

Для предотвращения деструктивного влияния сетевых конфликтов на функционирование общества необходимы переосмысление происходящих социальных трансформаций и качественное совершенствование имеющихся этических норм и ценностей в сети. Признание сетевой агрессии и манипуляции девиацией позволяет нам перейти от пассивного наблюдения к активному созиданию безопасного сетевого пространства. Только благодаря пониманию человеком его личной ответственности за предоставляемую информацию и развитие культуры общения возможно избежать деструктивных последствий эскалации сетевых конфликтов. Формирование сетевой культуры и реализация правовой стратегии развития в области информационной безопасности являются основанием для устойчивого функционирования государства в условиях глобальной нестабильности. Для успешного противодействия сетевым угрозам необходимы развитие партнерства между государствами в области информационных технологий, базирующегося на принципах доверия и взаимопонимания, создание возможностей для осуществления межкультурного диалога, ориентированного на поиски компромисса и взаимопонимания между его участниками, формирование медиакультуры благодаря обучению сетевых пользователей навыкам критического анализа и осмысления ситуации, работы с разнообразными источниками данных, что является важнейшим условием предотвращения эскалации противоречий.

Список литературы

- Берестовой, А. Н. (2025). Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «Интернет». *Российский девиантологический журнал*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Бодрийяр, Ж. (2000). *В тени молчаливого большинства, или Конец социального* (Н. В. Суслов, пер.; К. В. Жвакин, ред.). Издательство Уральского университета.
- Гидденс, Э. (2005). *Социология* (А. В. Берков и др., пер.; 2-е изд., выполн. по 4-му англ. изд., полностью перераб. и доп.). Едиториал УРСС.
- Даирбекова, Ж. М., & Полуян, А. Ю. (2024). Деструктивное и манипулятивное влияние социальных сетей. *Системная инженерия и информационные технологии*, 6(1), 59–66. <https://doi.org/10.54708/2658-5014-SIIT-2024-no1-p59>
- Касюк, А. Я. (2021). Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, 1, 22–34. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_22
- Коровин, В. М. (2014). *Третья мировая сетевая война*. Питер.
- Красовская, Н. Р., & Гуляев, А. А. (2021). К вопросу о контроле фейков, дипфейков, фейковых аккаунтов в интернете. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 5(1), 96–99. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-1-96-99>
- Красовская, Н. Р., Гуляев, А. А., & Юлина, Г. Н. (2019). Фейковые новости как феномен современности. *Власть*, 27(4), 79–82. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6589>
- Кузьменко, Ю. А., & Попова, О. В. (2020). Фейковая пропаганда как инструмент дезинформации общества и борьба за их распространение. *Право и государство: теория и практика*, 10, 122–125. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_10_122
- Лебедева, М. М. (2017). "Идеальный шторм" как результат "гибридизации" мировой политики. В *Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений* (с. 97–111). Горячая линия-Телеком.
- Лекторский, В. А. (2022). Глобальная цифровизация как антропологический вызов. В *Человек и системы искусственного интеллекта* (стр. 18–29). Юридический центр.
- Макаренко, С. И. (2016). Информационное оружие в технической сфере: терминология, классификация, примеры. *Системы управления, связи и безопасности*, 3, 292–376. <https://doi.org/10.24411/2410-9916-2016-10311>
- Манойло, А. В. (2017). Гибридизация мировой политики. В *Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений* (стр. 44–96). Горячая линия - Телеком Москва.
- Медовкина, Л. Ю. (2020). Особенности евразийской модели сетевой войны. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 32, 7–19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.7>
- Паризер, Э. (2012). *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?* (А. Шириков, пер.). Альпина Бизнес Букс.
- Плющ, А. Н. (2017). *Социально-психологические механизмы информационного влияния*. Аспект-Поліграф.
- Шюц, А. (2008). Некоторые структуры жизненного мира. *Вопросы социальной теории*, 2, 72–87.
- Шюц, А. (2003). О множественности реальностей. *Социологическое обозрение*, 3(2), 3–34.
- Eginli, A. T., & Tas, N. O. (2018). Interpersonal Communication in Social Networking Sites: An Investigation in the Framework of Uses and Gratification Theory. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 8 (2), 81–104. <https://doi.org/10.12973/ojcm/2355>

- Lessig, L. (1999). *Code: And other laws of cyberspace*. Basic Books.
- Marin, A., & Wellman, B. (2011). Social network analysis: An introduction. In J. Scott & P. J. Carrington (Eds.), *The SAGE handbook of social network analysis* (pp. 11–25). SAGE.
- Sontag, L. M., Clemans, K. H., Graber, J. A., & Lyndon, S. T. (2011). Traditional and cyber aggressors and victims: A comparison of psychosocial characteristics. *Journal of Youth and Adolescence*, 40(4), 392–404. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9575-9>
- Suler, J. (2000). Psychotherapy in cyberspace: A 5-dimensional model of online and computer-mediated psychotherapy. *CyberPsychology & Behavior*, 3(2), 151–159. <https://doi.org/10.1089/109493100315996>

References

- Berestovoj, A. N. (2025). Uголовно-правовое protivodejstvie obshchestvenno opasnym proyavleniyam subkul'tury v seti «Internet». *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 5 (1), 147–166. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166>
- Bodriyyar, Zh. (2000). *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo* (N. V. Suslov, per.; K. V. Zhvakina, red.). Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Giddens, E. (2005). *Sociologiya* (A. V. Berkov i dr., per.; 2-e izd., vypoln. po 4-mu angl. izd., polnost'yu pererab. i dop.). Editorial URSS.
- Dairbekova, Zh. M., & Poluyan, A. Yu. (2024). Destruktivnoe i manipulyativnoe vliyanie social'nyh setej. *Sistemnaya inzheneriya i informacionnye tekhnologii*, 6(1), 59–66. <https://doi.org/10.54708/2658-5014-SIIT-2024-no1-p59>
- Kasyuk, A. Ya. (2021). Informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie v informacionnom protivoborstve. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, 1, 22–34. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_22
- Korovin, V. M. (2014). *Tret'ya mirovaya setevaya vojna*. Piter.
- Krasovskaya, N. R., & Gulyaev, A. A. (2021). K voprosu o kontrole fejkov, dipfejkov, fejkovyh akkauntov v internete. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 5(1), 96–99. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-1-96-99>
- Krasovskaya, N. R., Gulyaev, A. A., & Yulina, G. N. (2019). Fejkovyie novosti kak fenomen sovremenosti. *Vlast'*, 27(4), 79–82. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6589>
- Kuz'menko, Yu. A., & Popova, O. V. (2020). Fejkovaya propaganda kak instrument dezinformacii obshchestva i bor'ba za ih rasprostranenie. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 10, 122–125. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_10_122
- Lebedeva, M. M. (2017). "Ideal'nyy shtorm" kak rezul'tat "gibridizatsii" mirovoy politiki. In *Gibridizatsiya mirovoy i vneshney politiki v svete sotsiologii mezhdunarodnykh otnosheniy* (pp. 97–111). Goryachaya liniya-Telekom.
- Lektorskiy, V. A. (2022). Global'naya cifrovizatsiya kak antropologicheskij vyzov. V *Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta* (str. 18–29). Yuridicheskij centr.
- Makarenko, S. I. (2016). Informacionnoe oruzhie v tekhnicheskoy sfere: terminologiya, klassifikatsiya, primery. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti*, 3, 292–376. <https://doi.org/10.24411/2410-9916-2016-10311>
- Manojlo, A. V. (2017). Gibridizatsiya mirovoy politiki. V *Gibridizatsiya mirovoy i vneshney politiki v svete sociologii mezhdunarodnykh otnoshenij* (str. 44–96). Goryachaya liniya - Telekom Moskva.
- Medovkina, L. Yu. (2020). Osobennosti evrazijskoj modeli setевой vojny. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 32, 7–19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.7>
- Parizer, E. (2012). *Za stenoy fil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas?* (A. Shirikov, per.). Al'pina Biznes Buks.

- Plyushch, A. N. (2017). *Social'no-psihologicheskie mekhanizmy informacionnogo vliyaniya*. Aspekt-Poligraf.
- Shyuc, A. (2008). Nekotorye struktury zhiznennogo mira. *Voprosy social'noj teorii*, 2, 72–87.
- Shyuc, A. (2003). O mnozhestvennosti real'nostej. *Sociologicheskoe obozrenie*, 3(2), 3–34.
- Eginli, A. T., & Tas, N. O. (2018). Interpersonal Communication in Social Networking Sites: An Investigation in the Framework of Uses and Gratification Theory. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 8 (2), 81–104. <https://doi.org/10.12973/ojcm/2355>
- Lessig, L. (1999). *Code: And other laws of cyberspace*. Basic Books.
- Marin, A., & Wellman, B. (2011). Social network analysis: An introduction. In J. Scott & P. J. Carrington (Eds.), *The SAGE handbook of social network analysis* (pp. 11–25). SAGE.
- Sontag, L. M., Clemans, K. H., Graber, J. A., & Lyndon, S. T. (2011). Traditional and cyber aggressors and victims: A comparison of psychosocial characteristics. *Journal of Youth and Adolescence*, 40(4), 392–404. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9575-9>
- Suler, J. (2000). Psychotherapy in cyberspace: A 5-dimensional model of online and computer-mediated psychotherapy. *CyberPsychology & Behavior*, 3(2), 151–159. <https://doi.org/10.1089/109493100315996>

Информация об авторах

Евгений Михайлович Бабосов – доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси, главный научный сотрудник отдела социологии государственного управления ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси».

Юлия Леонидовна Баньковская – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета.

About the authors

Evgeny M. Babosov – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Chief Researcher of the Department of Sociology of Public Administration at the State Scientific Institution “Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus”.

Yulia L. Bankovskaya – Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies at Belarusian State University.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 02.06.2026

Одобрена после рецензирования 03.07.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted June 02, 2026

Approved after reviewing July 03, 2026

Accepted July 30, 2026